

Россинский С. Б.,
*профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

**О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ДОПРОСА
В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ
СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА**

Допрос — это следственное действие, которое заключается в получении показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для уголовного дела. Являясь сугубо вербальным познавательным приемом, не предполагая работы с материальными фрагментами объективной реальности, допрос представляет собой достаточно простой в организационном плане и наиболее распространенный способ формирования доказательств. Вместе с тем, допрос — это психологически сложное следственное действие, «психологическая борьба» двух лиц. Он характеризуется эмоциональным и умственным напряжением, часто проистекает в условиях межличностного конфликта.

Указанные обстоятельства невольно актуализируют этические проблемы производства допроса, нравственные аспекты вербального общения следователя с допрашиваемым лицом, которые, бесспорно связаны с психологическим контактом, с повышением полноты и достоверности получаемых таким образом сведений и формируемых доказательств. Некоторые из них мы и постараемся затронуть далее.

1. Один из этических аспектов допроса связан с практической реализацией требований о разъяснении допрашиваемому порядка производства следственного действия. Ведь заложенный в ч. 5 ст. 164 УПК РФ позитивный замысел невольно упирается в реалии правоприменительной практики, что во многом делает его не более чем пустой формальностью или просто превращает в профанацию. Ввиду сложной системы уголовно-процессуального права, предполагающей нормы общей и особенной части, отсылочные гипотезы и диспозиции и еще много нюансов современной юридической техники, такой порядок определяется требованиями нескольких десятков статей, рассредоточенных по разным разделам и главам УПК РФ. Кроме того, на современную следственную практику оказывают регулятивное воздействие постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Таким образом, для полноценного разъяснения допрашиваемому порядка этого следственного

действия следователю фактически надо превращаться в вузовского преподавателя и знакомить его с полным учебным курсом уголовно-процессуального права, по крайней мере, досудебного производства (а, по-хорошему, еще и с курсами теории права, правоохранительных органов и т. д.), что выглядит более чем абсурдным.

В этой связи практика нашла для себя гораздо более простой и быстрый «способ» выполнения данного законодательного предписания, состоящий в его полном игнорировании, в простом уклонении следователей от выполнения подобной обязанности. Даже используемые в практической деятельности бланки протоколов допросов не содержат ни единого намека на разъяснение участвующим лицам порядка производства следственного действия, что заслуживает исключительно негативной оценки и резко снижает уровень защиты прав и свобод личности, вовлекаемой в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений, не говоря уже о полном игнорировании элементарной этики.

Представляется, что выход из сложившейся ситуации может быть найден лишь посредством надлежащего методического обеспечения следственной деятельности и формирования некоего унифицированного и короткого перечня базовых тезисов, позволяющих в доступной форме объяснить дилетанту сущность, цели, задачи допроса, обязанности и последовательность действий участвующих лиц, а также потенциальные возможности воздействия на них следователя при неподчинении его законным требованиям. Вполне допустимо включить данный перечень прямо в бланк соответствующего протокола.

2. Следующий этический аспект допроса связан с практической технологией разъяснения прав допрашиваемому лицу. Устанавливая подобную обязанность, законодатель предполагает механизм, направленный на преодоление процессуальной безграмотности подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других лиц, чем старается обеспечить предоставленные им правовые гарантии. Поэтому прикладная технология разъяснения прав должна определяться, исходя из приоритета наибольшей комфортности для уяснения соответствующих сведений адресатом. Кто-то лучше усваивает информацию на слух, кто-то — визуально, у кого-то в процессе разъяснения прав могут возникнуть дополнительные вопросы и т. д. Конечно, мы не предлагаем доводить ситуацию до крайней степени догматизма и, тем более, ставить следователя в зависимость от возможных злоупотреблений со стороны участников допроса. Во всем должна быть определённая доля разумности. Тем не менее, выполняя предписания

ч. 5 ст. 164 УПК РФ, следователь не вправе относиться к ним как к обременяющим его работу ненужным формальностям; он должен осознавать весь груз возложенной на него государством ответственности, должен понимать, что в данном следственном действии именно он, а никто другой, является представителем государства, то есть гарантом прав и свобод личности, которыми эта личность сможет воспользоваться только после надлежащего восприятия и уяснения.

К великому сожалению, практика идет по совершенно иному, чисто формальному пути; правоприменитель зачастую игнорируют, а может быть, до конца не понимает тот «высокий» правовой замысел, который заложен в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, считая его ничем не оправданным бременем и впадая при этом в две противоположные крайности. Следователи либо вообще уклоняются от разъяснения прав участвующим в допросе лицам, заставляя их просто расписаться в соответствующей графе протокола (подобный механизм весьма распространен в отношении необразованных, малограмотных, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы субъектов). Либо начинают быстро и монотонно зачитывать допрашиваемому все его права, предусмотренные соответствующим уголовно-процессуальным статусом: от возбуждения уголовного дела до участия в суде надзорной инстанции (такая технология получила распространение в отношении лиц с высоким уровнем правовой культуры или при использовании технических средств аудио-, видео-фиксации). Подобная крайность видимо и является результатом недопонимания следственными работниками замысла ч. 5 ст. 164 УПК РФ; они действуют по принципу: «Маслом кашу не испортишь». Но такая технология тоже не имеет никакой практической пользы, а наоборот несет один лишь вред ввиду того, что нормальный человек просто не способен уловить и уяснить столь объемный массив быстро и монотонно доводимой до него информации, и, тем более, сообразить, какие из перечисленных прав имеют отношение к проводимому следственному действию.

Решение указанной проблемы видится в формировании принципиально иной правоприменительной практики разъяснения допрашиваемому лицу его процессуальных прав. Представляется разумной прикладная технология, основанная на следующих тезисах: а) следователь должен разъяснять лишь те права допрашиваемого, которые касаются его участия в данном следственном действии (в этой связи целесообразно разработать унифицированный перечень подобных прав применительно к каждому участнику допроса); б) в необходи-

мых случаях участнику допроса должны быть разъяснены его специальные права (право на иммунитет и т. д.), а при нежелании воспользоваться данными правами он должен быть предупрежден о возможности наступления соответствующих негативных последствий; в) в каждом случае следователю надлежит выяснять в какой форме участник предпочитает знакомиться со своими процессуальными правами (посредством личного прочтения, посредством оглашения следователем или посредством оглашения защитником или представителем); г) устное оглашение прав должно осуществляться в форме, доступной для восприятия и усвоения соответствующим участником (в перспективе возможно использование специальных технических средств, воспроизводящих аудиозапись разъяснения прав профессиональным диктором); д) после ознакомления с правами, следователь обязан выяснить у соответствующего участника, понятны ли ему эти права, не имеет ли он вопросов, и при поступлении соответствующего ходатайства — сделать дополнительные пояснения.

3. Еще один этический аспект допроса — это выполнение требований об обеспечении возможности осуществления своих прав участниками следственных действий, которое напрямую вытекает из ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Данное общее правило предполагает сознание такого правового климата, при котором усилия следователя наряду с познавательной деятельностью, с собиранием (формированием) и проверкой доказательств, максимально направлены на создание наиболее благоприятных условий, позволяющих заинтересованным лицам реализовать свои процессуальные возможности в соответствии с концепцией современной уголовно-процессуальной деятельности. Несмотря на участие защитников, представителей, несмотря на возможную правовую грамотность некоторых потерпевших, свидетелей, иных допрашиваемых лиц, именно он — следователь, являясь представителем государства, выступает публично-правовым гарантом прав и свобод личности. Следователь не вправе занимать пассивную роль, ожидая, когда тот или иной участник заявит ходатайство, отвод, подаст заявление и т. д. Тем более, он не должен безучастно наблюдать за формальными ошибками этих лиц, предвкусывая возможность их использования в своих целях. Следователь как субъект уголовной юрисдикции просто обязан по ходу допроса принимать все возможные меры для правильного и разумного использования участниками своих процессуальных возможностей, в частности, в зависимости от сложившихся обстоятельств интересоваться, не желают ли они за-

явить ходатайство, отвод, сделать заявление, подсказывать как правильно написать замечание или дополнение к протоколу и т. д. и т. д.

4. И наконец, последний этический аспект, который нам бы хотелось затронуть, связан с нравственным поведением следователя в условиях предусмотренной законом свободы тактики допроса. Ведь этичность — один из необходимых критериев, которым должен отвечать любой тактический прием любого следственного действия, в частности допроса. В этой связи в юридической литературе в течение длительного времени обсуждается вопрос о допустимости использования при допросе следственных хитростей, психологических ловушек и пресловутого обмана подозреваемого, обвиняемого или других лиц в целях их изобличения во лжи и побуждения к даче правдивых показаний. Собственно говоря, и сами категории «тактический прием», «тактическая комбинация», «тактическая операция» были в свое время введены в оборот криминалистической науки ввиду непринятия советской юридической моралью категорий «следственная хитрость», «психологическая ловушка» и т. д.

Большинство ученых традиционно склонялось к убеждению о возможности применения подобных тактических приемов, но в весьма ограниченных пределах. В частности, высказывались идеи о допустимости дезориентации допрашиваемого, создания иллюзии чрезмерно высокой или, наоборот, слишком низкой степени осведомленности следователя об обстоятельствах дела и т. д. При этом практически все сходились в мнении о незаконности использования прямого обмана, сообщения подозреваемому, обвиняемому и другим лицам заведомо ложных сведений. М. С. Строгович, выражая резко негативное отношение к любым проявлениям лжи, говорил о недопустимости использования следственных хитростей и психологических ловушек, как наиболее изощренных, нетерпимых и аморальных форм обмана.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. В частности, Р. С. Белкин, вступая в полемику с М. С. Строговичем, писал, что абстрактная формула «средство может быть только нравственным или только безнравственным — всегда и везде» коренится в разрыве теоретического и практического отношения к морали как объекту этической науки. Ученый полагал, что, следуя подобной логике, обман можно усмотреть чуть ли не в каждом тактическом приеме, не говоря уже о тактических комбинациях, и что, признавая его недопустимость, на словах практические работники повсеместно прибегают к его использованию. Тем более, что в иных сферах право-

охранительной, в частности оперативно-розыскной, деятельности, государство вполне признает допустимость обмана. А стыдливая маскировка слова «обман» специальным термином «легендирование» существа дела не меняет.

В целом, признавая справедливость и, самое главное, откровенность подобных суждений в контексте реальной правоприменительной практики, позволим себе обратить внимание лишь на одно обстоятельство. Дело в том, что, возможность следственных хитростей, психологических ловушек и тому подобных тактических приемов (комбинаций) имеет и «обратную сторону медали», выраженную в потенциальной опасности служебных злоупотреблений, а также в рисках неправильного применения криминалистических рекомендаций неопытными сотрудниками. Таким образом, эти вопросы априорно находятся в самой тесной взаимосвязи с профессиональными и морально-этическими качествами следователей и неминуемо упираются в проблемы кадрового обеспечения органов предварительного расследования.

В этой связи полагаем, что любые процессуальные положения о свободе тактики допроса, любые соответствующие криминалистические рекомендации должны рассматриваться в комплексе с концепцией реформы органов предварительного следствия, с пересмотром государственной идеологии к профессии следователя. Только в этом случае справедливые высказывания Р. С. Белкина и других криминалистов смогут быть реально выполнимы без опасности злоупотреблений и нарушения прав и свобод допрашиваемых лиц.

© Россинский С. Б., 2018